

фантастическая
история

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Александр Сапаров

Назад в юность

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С19

Серия основана в 2010 году
Выпуск 86

Сапаров А.

С19 **Назад в юность: Фантастический роман.**— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 311 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1663-9

Наш современник, военный хирург, инвалид, волей судьбы попадает в свое мальчишеское тело ровно на пятьдесят лет назад. И он вынужден, чтобы не оказаться в психиатрической больнице, продолжать жизнь обычного пятнадцатилетнего мальчишки в 1964 году. Неравнодушный к тому, что станет с его страной, он принимает решение сделать все, что в его силах, чтобы история Советского Союза пошла по другому пути. Он понимает, что для этого он должен стать человеком, влияющим на принятие решений. И он сможет им стать.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Сапаров, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1663-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сладко потянувшись, я открыл глаза. Утреннее солнце ярко светило в окно. На кухне, что-то напевая, бабушка готовила завтрак. Внезапно холодная дрожь прошла по телу... Какая бабушка?! Она же умерла уж сорок лет тому назад. Я резко откинул одеяло и вскочил на ноги.

Я стоял посреди комнаты в нашей старой квартире. Рядом на кровати спал мой брат. Я взглянул на себя в зеркало. Оттуда на меня смотрел мальчишка лет пятнадцати. Внезапно ощущение отчаяния полностью захватило меня, я упал на кровать и молча заплакал без слез. Спустя несколько минут я в какой-то мере пришел в себя и вновь сел на кровати, разглядывая окружающую обстановку.

Из кухни донесся голос бабушки:

— Сережка, Леша, пора вставать, завтрак готов!

Я встал и пошел в ванную комнату, делая все на автомате, как пятьдесят лет назад.

Вот так я, почти семидесятилетний военный пенсионер, еще вчера живший в две тысячи четырнадцатом году в скромной однокомнатной квартире на окраине города, почти не выходящий на улицу из-за артрита, сегодня оказался в своем юном теле. Неизвестно, в каком году, но, видимо, ближе к середине шестидесятых. Пока чистил зубы и умывался, мое настро-

ение потихоньку поднималось. В голове бродило множество мыслей о том, что у меня вновь впереди целая жизнь, притом со знанием будущего, по крайней мере, до две тысячи четырнадцатого года. О причинах переноса в прошлое я пока не размышлял, так как это просто бессмысленно.

Выйдя из ванной, я глянул на календарь, висевший на стене. На нем были оторваны листки на апреле тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года. Мимо меня с сонным видом пробрел в ванную мой младший брат Лешка. Моя рука по старой привычке поднялась дать ему подзатыльник... и резко опустилась. Брат с удивлением посмотрел на меня — как же это я сегодня обошелся без своих шуток?

Пройдя в кухню, я сел за стол. Там уже стояли тарелка с блинами и полная кружка какао. С неожиданным аппетитом я набросился на еду.

— Подожди-подожди! — воскликнула бабушка. — Оставь хоть брату поесть.

Позавтракав, я встал из-за стола и пошел в комнату. Ну что ж, если мне пятнадцать лет, то я учусь в восьмом классе. Я достал свой портфель и стал просматривать его содержимое. Боже мой, ну и бардак! Я даже не подозревал, что был так неаккуратен в детстве. В моих воспоминаниях все было гораздо лучше. В комнату зашел брат.

— Слушай, Леш, а какое сегодня число? — спросил я.

Лешка выпучил глаза:

— Ты что, заболел? Сегодня понедельник, тринадцатое апреля. Мама уже ушла на работу, ей сегодня нужно было пораньше.

— Ну ладно, ладно, не парься. Это я просто так спросил, тебя проверял.

— Что ты мне сказал не делать? Не париться?

— Да ладно, не бери в голову, проехали.

— Слушай, Сережка, что с тобой сегодня случилось? Вскочил утром, говоришь какими-то странными словами... Ты не заболел?

— Да ладно, Леха, все в порядке. Давай собираться в школу.

Я стал дальше просматривать свой портфель, пытаюсь навести там относительный порядок и по дневнику определить, какие сегодня будут уроки.

К зданию школы я приближался со странным ощущением. Как будто не было почти пятидесятилетней разницы между мной и мальчишкой, который сейчас подходит к школьным дверям. Мое тело переполняло давно забытое ощущение бодрости. Не болели суставы, хотелось бросить портфель и помчаться бегом, подпрыгивая и крича что-нибудь во все горло.

У входа ко мне подошел мой одноклассник Вадик Петров и сразу начал, как он это делал пятьдесят лет назад, клянчить домашнее задание по геометрии:

— Сережка, ну дай списать на первом уроке... У нас первым черчение, все равно никого спрашивать не будут.

Вместе мы зашли в открытые двери. Было так странно смотреть на детей вокруг, проходящих учителей, которые в моей памяти уже давно умерли. И на своих одноклассников, о судьбе большей части которых я ничего не знал. Жизнь раскидала нас слишком далеко друг от друга, и только иногда, неожиданно встретившись, случайно удавалось что-то о ком-то услышать.

Тут мимо прошла, слегка задев меня сумкой, высокая девочка. Я ее сразу узнал. В груди сладко заныло. Это была моя первая безнадежная школьная любовь Светка Ильина. В детстве мы не склонны к компромиссам, и все мальчишки нашего класса были влюб-

лены в двух Светок — Ильину и Горелову. Эти девочки, естественно, не дружили; их подружками, как это обычно бывает, были две очень некрасивые особы, которые оставались их боевыми спутницами на протяжении всех десяти лет учебы и, насколько я знаю, в дальнейшей жизни. У меня, ничем не примечательно-го мальчишки, практически не было шансов обратиться на себя Светкин взор. Она и на нашего самого выдающегося парня, высокого крепкого блондина Владика Семенова, в которого были влюблены половина девочек в классе, не обращала никакого внимания. Эта красавица проявляла интерес только к ребятам-десятиклассникам: те так и вились вокруг нее на школьных вечерах.

Я шел за Светкой вместе с Петровым, глядя на ее симпатичную попку, и размышлял о пластичности человеческой психики. Еще несколько часов назад я был Сергей Алексеевич Андреев, отставной военный врач, много лет прослуживший во всех горячих точках, куда Советский Союз отправлял своих граждан для защиты «завоеваний социализма». И сейчас заслуженный военврач Андреев идет в восьмой класс средней школы номер два города Энска, будучи пареньком пятнадцати лет, и при этом не сходит с ума, не плачет и не бьется головой о стену. А просто разглядывает фигурку красивой девчонки и думает о том, что со всем своим опытом прошлой жизни он наверняка сможет влюбить ее в себя. Наверное, моему спокойствию в большой мере послужил тот факт, что в прошлой жизни я жил совсем один и мое исчезновение скорее всего не задело ни одного моего родственника или друга.

Как только мы с Петровым вошли в класс, прозвенел звонок. Я остановился в растерянности. Моя память не сохранила место, на котором я сидел на черчении. Вдруг сбоку меня потянули за рукав. Я обернулся

и увидел Аню Богданову, худенькую симпатичную девочку, с которой в первой моей жизни мы за одной партой провели десять лет. Она смотрела с удивлением:

— Сережа, ты что, не проснулся еще? Садись быстрее, сейчас уже Серафима Федоровна придет.

Первый урок прошел почти незаметно. Автоматически выполняя задание, я не переставал размышлять о случившемся. Почему именно я? Кто в ответе за такой переброс сознания? Остался ли я в прежней жизни? И самое главное — для чего все это сделано и как жить дальше?

В конце урока около меня остановилась учительница, взяла мою работу и стала пристально ее разглядывать.

— Сережа, что с тобой случилось? За последний учебный год это первый твой приличный чертеж. Если бы я не видела, что ты сам его делаешь, ни за что бы не поверила. Похоже, до сегодняшнего дня ты валял дурака и не работал в полную силу. Мне даже кажется, что это чертеж профессионала.

Еще бы — в моей долгой жизни был момент, когда мне пришлось зарабатывать этим себе на хлеб с маслом. Во время учебы в Военно-медицинской академии среди моих друзей в основном были студенты строительных специальностей, и один из них случайно открыл мой талант без всяких расчетов представлять в голове нужные проекции и сопряжения деталей. В результате чего ко мне выстраивалась очередь несчастных, неспособных начертить что-либо путное, и я почти шесть лет по вечерам просиживал у письменного стола за чертежами, что было очень странно для студента-медика.

В классе зашумели, с задней парты донесся ехидный голос Светки Гореловой:

— Наконец-то у нас появился профессионал по черчению! Удивительно — еще вчера Андреев и карандаш в руках не умел держать.

Все засмеялись.

— Тише, тише, успокоились! — попросила Серафима Федоровна.

— Зря смеетесь. За этот чертеж — пятерка, а если Андреев будет так держать до конца учебного года, то пятерка за год ему обеспечена.

Едва учительница отошла, ко мне обратилась соседка по парте:

— Сережка, что с тобой сегодня? Ты какой-то не такой, во время урока даже не обратился ко мне ни разу.

— Анечка, моя хорошая, со мной все в порядке, — ответил я.

И по округлившимся глазам соседки понял, что ответил не так.

Девочка заморгала, как будто хотела заплакать, и закрыла лицо руками. Посидев так несколько минут, тихо сказала:

— Не говори так больше, пожалуйста. Я ведь знаю, вы все влюблены в Ильину, а на нас даже внимания не обращаете.

Вот это попал! Оказывается, в нашем классе кипят страсти почище гамлетовских, а я об этом даже не подозревал в прошлой жизни. Анька-то, похоже, запала на меня, а я как последний лох этого не замечал. Гормоны, переполнявшие мое подростковое тело, делали свое черное дело... Я глядел на гладкое юное лицо соседки, вдыхал ее нежный девичий аромат и чувствовал, как реагируют на это мои определенные органы.

«Успокойся наконец, педофил несчастный! О чем ты думаешь в свои семьдесят!» — пронеслось в голове. И тут я же поправил себя: быть педофилом пока еще

не могу, мне всего пятнадцать. Как ни крути, девочки будут волновать меня еще много лет. Не в силах себя сдержатъ, я опустил руку под парту и погладил Аню по ноге. Она молчала, по-прежнему уставившись на меня круглыми от удивления глазами.

Тут, на мое счастье, прозвенел звонок, и все с радостными криками вскочили с мест и ринулись в коридор. Я тоже хотел выбежать, но Аня схватила меня за рукав:

— Сережа, зачем ты это сделал? Ведь я тебе совсем не нравлюсь, не надо смеяться надо мной.

Ну что уж тут сделаешь, никогда не любил оставлять женщин несчастными!

— Анечка, я совсем не смеялся. Ты мне давно нравишься, только я боялся тебе об этом сказать.

— Ты действительно говоришь правду или опять с кем-нибудь поспорил? Я ведь знаю, ты спорил, что поцелуешь Ильину на школьном вечере.

Вот, оказывается, какой факт был в моей биографии.

— Аня, ну это совсем другое. Ни с кем я не спорил. Можно я провожу тебя после уроков?

Она долго молчала, глядя на меня, и затем прошептала:

— Конечно, можно.

На следующих пяти уроках я постарался ничем не выделяться, хотя на анатомии так и хотелось сделать замечание учителю за плохое знание предмета.

Аня продолжала смотреть на меня влюбленным взглядом. Похоже, это заметил весь класс. Со всех сторон сыпались ехидные подколки, но мне, с моим жизненным опытом, на это было наплевать с высокой колокольни.

Когда же после уроков в раздевалке я взял Анин

портфель и пошел рядом, половина класса потрясенно смотрела нам вслед.

Я знал, что Аня живет в нижней половине города, ближе к реке, которая так и называлась в народе — Урека, с ударением на первом слоге. Эта Урека отличалась от остального города наличием множества хулиганов, и вечером туда, кроме местного населения, никто не совался. Мы с одноклассницей шли по улочкам с одноэтажными деревянными домами и палисадниками, по деревянным тротуарам. Посреди дороги стояли лужи, а по краям еще лежали потемневшие, грязные остатки снега. Когда проходили мимо пивного ларька, из-за него внезапно вышли трое мальчишек. В животе похолодело: я узнал в одном из них моего давнего врага и мучителя Федьку Сорокина. Этот Федька с первого класса относился к тем людям, по которым, как любила говорить моя бабушка, тюрьма плачет. Его единственным занятием было отлупить любого, кого можно отлупить. В первом классе я учился с ним и почти каждый день приходил домой в порванной одежде и с подбитым глазом или царапинами. Затем его оставили на второй год в первом классе, затем на второй год во втором — и наконец, после пятого просто исключили из школы и перевели в специнтернат.

— О, кого я вижу! Андрияшка! Давно ты от меня не получал. Совсем, что ли, с дуба рухнул, с нашими девками по Уреке шляешься! — с довольной улыбкой протянул Сорокин.

У меня в голове как будто щелкнул переключатель. Холод из живота пропал, и я со словами:

— Аня, поддержи немного, — отдал девочке оба портфеля, спокойно подошел к Федьке и без замаха с левой руки пробил ему по печени.

Тот согнулся передо мной, и я уже с правой руки ударил его в ухо. Сорокин без звука упал на тротуар.

— Ну что, кто еще хочет получить? — обратился я к оставшимся парням.

Те попятись.

— Да никаких проблем, Серега! Мы и не хотели ничего, это Федька, придурок, пристаёт, как обычно.

Я забрал портфели из рук Ани, потрясенно взвешивая на эту расправу, и мы двинулись дальше под одобрительное хлопанье в ладоши нескольких мужиков, стоявших у пивного ларька.

Молча дошли до Аниного дома. Постояв немного у калитки, она смущенно спросила:

— Может, зайдешь к нам чаю попить? Бабушка сегодня пекла пироги.

Да, мой роман развивается стремительно... Что ж, сам виноват, не надо было провоцировать девчонку. Но назад дороги нет. Я изобразил глубокое раздумье на лице и сказал:

— Ну да, могу немного посидеть, я люблю пироги.

Дома у Ани было очень чисто и скромно. Уже с порога так пахло пирогами, что мой живот тихонько забурчал. Аня оказалась очень похожа на свою бабушку, высокую пожилую женщину с гладко зачесанными назад седыми волосами. Глядя на нее, легко можно представить, как будет выглядеть Аня через пятьдесят лет. Пожилая женщина с огромным удивлением уставилась на меня: по-видимому, это был первый случай, когда в этом доме появился одноклассник ее внучки мужского пола.

— Бабушка, это Сережа. Мы с ним за одной партой сидим, я тебе про него уже рассказывала. Представляешь, сейчас на нас напал Федька Сорокин, и Сережа надавал ему тумаков!

Бабушка потрясенно всплеснула руками:

— Нашли с кем связываться! Да это ж будущий тюремщик! Сережа, обратно иди очень осторожно, а то он тебя где-нибудь подкараулит.

Пришла пора проявлять свою воспитанность:

— Аня, а ты не представишь мне свою бабушку? А то я ведь не знаю, как к ней обращаться.

— Ой, прости, Сережа! Это моя бабушка, зовут ее Наталья Ивановна.

— Очень рад с вами познакомиться, Наталья Ивановна. Ну а я, как уже сказала Аня, Сережа Андреев. Аня утверждает, что вы кудесница по части пирогов, и я это уже чувствую по запаху.

— Да что же это я! — засуетилась старушка.

— Раздевайтесь и проходите в комнату.

«Какая еще старушка — ты сам буквально вчера был таким же и отнюдь не считал себя старичком!» — пронеслась мысль в голове.

Во время чаепития Наталья Ивановна все пыталась узнать побольше обо мне: чем я интересуюсь и чем бы хотел заниматься в будущем.

«Меня что, уже женить собираются в пятнадцать лет?» — подумал я.

Между тем Наталья Ивановна посмотрела на меня задумчиво:

— Знаешь, Сергей, ты очень интересный человек. Я много лет проработала в школе, но чтобы мальчик пятнадцати лет мог так себя вести и поддерживать разговор — это что-то странное. Да и словарный запас у тебя взрослого человека. Ты, наверное, много читаешь?

— Ты что, бабушка, какой запас! Это же Сережка, он и учится так себе, на тройки с четверками! — воскликнула Аня.

— Внучка, не спорь со мной, мне виднее. Ты с ним

сидишь восьмой год за одной партой и поэтому, похоже, не замечаешь очевидного.

Ну вот я и спалился. Пора уходить.

— Наталья Ивановна, извините, но мне пора домой, а то мои будут беспокоиться. Большое спасибо за пироги, все было очень вкусно.

— Сережа, я очень довольна, что моя внучка дружит с таким мальчиком. Так что не стесняйся, заходи к нам в гости, буду рада тебя видеть. Аня, проводи своего гостя.

Девочка молча стояла у дверей, пока я одевался.

Подойдя к ней и шепнув:

— До завтра, — я поцеловал ее в щеку и выскочил за дверь.

Не торопясь, я шел по узким улочкам Уреки. У пивного ларька уже не было очереди, и Федыки Сорокина с друзьями тоже не наблюдалось. Светило предвечернее солнце, весело чирикали воробьи, купаясь в грязных лужах, ничего не болело, как еще вчера, намечался роман с хорошей девочкой... Все просто великолепно.

«А если это лишь сон и я сейчас проснусь в своей скромной квартире с кучей болезней и отсутствием всякой перспективы?» — подумал я и с силой ущипнул себя за руку. Но ничего не произошло. Все так же светило весеннее солнце и чирикали воробьи. Несколько секунд постояв, я бодро оправился домой.

Шел не торопясь, разглядывая все вокруг. Я уже забыл, как это — идти по городу, где практически нет машин. По мокрой дороге периодически проезжали таксистские «волги», иногда проходили битком набитые рейсовые автобусы. Но в основном весь народ, как и я, шел пешком. На многих зданиях висели кумачовые плакаты «Слава труду!», «Слава КПСС!», «Пар-

тия — наш рулевой!». Из чьего-то открытого окна доносилась музыка. Пела Шульженко, что-то из военного репертуара. Выйдя на центральную улицу, я увидел протянувшиеся вдоль бульвара вывески с моральным кодексом строителя коммунизма и вспомнил, как нас заставляли учить этот кодекс на память. Мне даже стало смешно — ведь этот кодекс почти полностью взят из Библии.

Когда я пришел домой, все уже были в полном сборе.

— Сережа, где ты бродишь? Мы тебя потеряли! У тебя вроде нет сегодня тренировок, — покачала головой мама.

А я смотрел на мою такую молодую, красивую маму и не мог вымолвить ни слова. В последний раз, когда я видел ее живой, она была похожа на высохшую мушкетера. Неоперабельный рак желудка в четвертой стадии. Она лежала в кровати с закрытыми глазами, когда я вошел в палату. Мама тем не менее сразу узнала меня и только могла еле слышно прошептать:

— Сынок, у меня все хорошо, не тревожься обо мне. Я знаю, у тебя очень много дел, пожалуйста, иди.

На следующий день она умерла. Наверное, из-за этого я, заканчивая академию, специализировался по хирургии, подсознательно думая, что смогу помочь таким же страдающим людям. Но судьба кидала меня совсем в другие места: от Вьетнама и Анголы до Афганистана, где не было времени думать о лечении онкобольных, а шел поток раненых. Надо было срочно их оперировать, ампутировать конечности, удалять осколки и пули и прочее.

— Сережа, что ты на меня так смотришь? — вдруг смутилась мама.

— Ты знаешь, мама, я так тебя люблю. Как хорошо, что ты у нас есть.

— Сережка, я тебя не узнаю сегодня! — засмеялась она. — Хватит признаваться в любви. Ты наверняка нахватал сегодня двоек и решил подлизаться.

— Нет, мама, двоек я не получал, у меня все нормально. А задержался потому, что провожал Аню Богданову до дома. Ее бабушка угощала меня пирогами, так что я не очень голодный.

Мама пристально посмотрела на меня:

— Это девочка, что сидит с тобой за партой?

— Да, она.

— Очень интересно. Тебе потребовалось восемь лет, чтобы понять, что ты ей нравишься.

— Ну что поделаешь, мама, если я такой тупой. Но буду исправляться, не переживай.

— Хватит болтать, все за стол ужинать.

И мы вчетвером дружно уселись за столом в большой комнате.

— Мам, а сегодня в школе Сережку с Анькой дразнили «жених и невеста», — доложил Лешка.

— Дразнили — и что с того? Подразнят и успокоятся. Я очень рада, что Сережа с ней наконец нашел общий язык. Она очень серьезная и ответственная девочка, вся в маму.

— Даша, про кого это вы там говорите? — подключилась к беседе бабушка.

— Да вот, мама, твой внук повзрослел уже до такой степени, что начал провожать девочек до дома, — с улыбкой ответила моя мама.

— Мамочка, давай сменим тему. У меня, может, будет еще двадцать девочек, что об этом говорить. Лучше скажи, когда к нам приедет наш папа, что-то он очень задержался на Севере.

Я решил увести разговор в более благоприятное русло.

— Сын, ну что ты как маленький. Ты же знаешь, что папа офицер и служит там, где ему прикажут. Не можем же мы всю жизнь ездить за ним по гарнизонам.

У мамы явно испортилось настроение, а бабушка из-за ее спины укоризненно покачала головой.

Закончив ужин, все разбрелись по комнатам. Для тех лет мы жили достаточно неплохо, и все благодаря отцу. Когда его перевели в этот большой город, он был уже капитаном. Быть может, нам не удалось бы получить такую квартиру, но он очень неплохо сошелся с начальником квартирно-эксплуатационной части, и тот смог пробить нам трехкомнатную квартиру в только что построенном доме. После бараков и военных городков, где мы раньше жили, квартира произвела на нас такое впечатление, что, когда отца отправили с повышением по службе и уже майором на Север, мама категорически отказалась ехать с ним.

Большого скандала не было, поскольку отец подозревал, что так и будет. Мы учились в школе, мама работала в больнице медсестрой, с нами жила бабушка по маме. А бабушка со стороны отца жила в деревне совсем недалеко от города. И насколько я знаю, родители договорились, что отец, которому оставалось дослужить еще два года до получения пенсии, сразу после выслуги подаст рапорт на увольнение и приедет к нам.

В нашей с Лешкой комнате царил бардак. Я несколько минут разглядывал обстановку, затем пошел в туалет, взял ведро и тряпку и начал наводить порядок. Не успел я закончить это дело, как в комнату ворвался Лешка и заорал:

— Сережка, ты точно заболел! Когда ты в послед-

ний раз сам брал тряпку? Слушай, мне сейчас парни во дворе сказали, что ты отпинал Сороку, это правда?

— Он добавил еще пару крепких словечек. — Лешка, перестань ругаться матом. Да, было дело.

Брат удивленно посмотрел на меня:

— Ты же еще вчера учил меня, как надо ругаться, а сейчас говоришь, что этого нельзя делать!

— Вчера учил, а сегодня начнем забывать. Видишь, я навел порядок, с завтрашнего дня будем поддерживать его по очереди.

Но брат все не мог успокоиться:

— Слушай, а расскажи, как ты его побил? Он что, опять приставал к тебе?

— Леха, ничего интересного. Дал по роже пару раз, и все.

— Ну, Серега, ты даешь! Теперь все шараги будут тебя бояться.

— Ладно, давай-ка я лучше проверю, как ты приготовил уроки.

Закончив проверять Лешкины уроки и уточнив в расписании, что у меня на завтра, я решил посмотреть телевизор, который стоял в бабушкиной комнате. Это был один из первых телевизоров, экран которого не надо было рассматривать через лупу. Но все равно он был черно-белый и размером около тридцати сантиметров в диагонали.

Передачи у нас начинались в семь часов вечера кратким перечислением городских новостей. Затем диктор рассказывала о событиях в мире, естественно, без всяких телесюжетов, ну а потом шел художественный фильм, чаще всего про войну или революцию.

Мне, привыкшему к океану информации, обрушивающемуся каждый день на мою голову, было жутко скучно смотреть этот отстой. И поэтому у экрана я высидал не более десяти минут. Забрав у мамы газетницу

с кучей газет, пошел заново знакомиться со временем, которое по непонятной пока причине мне придется прожить заново.

Утром, проснувшись, я некоторое время лежал с закрытыми глазами. Мне казалось, что если я их открою, то увижу давно не беленный потолок своей холостяцкой квартиры и руки с распухшими, искривленными суставами пальцев. Но, открыв глаза, я увидел солнце, ярко светившее в окно нашей комнаты, а за дверью слышался голос бабушки, напевавший песню Любви Орловой.

* * *

После завтрака мы с Лешкой быстро собрались и отправились в школу. Но уже во дворе Лешка оставил меня и, подбежав к группе одноклассников, продолжил с ними путь. Наверное, те выказывали ему свое восхищение в связи с моей стычкой с Сорокиным, а он купался в лучах моей славы.

Уже при входе в школу я был удостоен взглядов и перешептываний старшеклассниц. А дежурные у входа робко отступили от дверей, когда я прошел внутрь. Ох, если бы это было в первую мою юность! Но тогда, увы, этого не случилось. Я, как и все остальные парни из моего класса и старше, до ужаса боялся Федьки Сорокина, зная его безбашенность, и старался ни словом ни делом не задеть его при случае.

Сейчас же под завистливые взгляды парней и под восхищенные — девочек я бодрым шагом зашел в класс. Там меня уже ждала целая делегация по встрече. Наша комсорг Наташка Осипова, высокая худая девица с вытянутым носом, начала первой:

— Андреев, мы уже всё знаем, и все до одного комсомольцы возмущены твоим отвратительным поступком. Мы знаем, как жестоко ты избил бедного Федю

Сорокина. Вместо того чтобы помочь этому мальчику овладеть знаниями, ты воспользовался своим физическим превосходством. Сегодня после уроков у нас комсомольское собрание, где и обсудим твое поведение.

Но большая часть класса на слова комсорга не обратила никакого внимания. Наоборот, то одна, то другая девочка подходили ко мне и чем-нибудь интересовались. Даже Светка Ильина снизошла со своего Олимпа, чтобы спросить меня о какой-то мелочи. А за всем за этим из-за своей парты ревнивым взором наблюдала Аня Богданова. Похоже, после вчерашнего провожания она считала, что все уже сделано и я принадлежу ей душой и сердцем.

Да, теперь я на деле понял, что значит выражение «альфа-самец». В школе, когда еще не определены социальные приоритеты, лучшая половина человечества инстинктивно выбирает себе в пару не того, кто в будущем принесет больше бабла, а того, кто сможет защитить ее и детей. Естественно, парень, который смог поколотить хулигана, находится на одном из первых мест.

Во время уроков я изо всех сил старался не отсвечивать, но получалось крайне плохо. Два раза за этот день меня вызывали к доске. Хоть и старался я отвечать, как обычный мальчишка, но моя манера изложения материала, отработанная многими годами учебы и работы, все равно давала о себе знать. Учителя смотрели на меня удивленно и заинтересованно. А учительница физики Галина Петровна, по-видимому, выдала их общее мнение, когда после моего ответа сказала:

— Сережа Андреев у нас как-то неожиданно повзрослел.

На это замечание обычной реакции в классе поче-

му-то не было, и вместо смеха царило озадаченное молчание.

После последнего урока, когда все побежали к дверям, закрыв выход спиной, стояла Осипова.

— Я ведь сказала, что после уроков будет комсомольское собрание, всем сесть обратно! — закричала она.

Кто со смехом, кто с недовольным бурчанием — все снова уселись за парты. Осипова подошла к доске и начала:

— Сегодня у нас на повестке дня два вопроса. Первый — это проведение субботника двадцать второго апреля в честь дня рождения Владимира Ильича Ленина, и второй вопрос — это безобразное поведение комсомольца Андреева. По первому вопросу нам все расскажет Владик Семенов.

Наш красавец гордо встал и прошел к столу, по дороге мотнув головой, чтобы откинуть челку со лба. При виде этого жеста у меня мелькнула мысль, не увидит ли нашего Владика Андрей Миронов, перед тем как играть роль в фильме «Бриллиантовая рука».

— Товарищи! — начал он, заглядывая в бумажку.

— Наша партия во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущевым неустанно заботится о подрастающем поколении, и мы как члены ВЛКСМ обязаны делом отвечать на заботу партии и правительства. Поэтому двадцать второго апреля мы все как один обязаны выйти на Всесоюзный коммунистический субботник и, как весь советский народ, хорошо на нем поработать. А сейчас я расскажу, кто и что будет конкретно делать.

Слушая его, я вспоминал... Уже через год Владик Семенов стал комсоргом школы, после выпуска поступил на истфак нашего университета и уже через год стал комсоргом курса. На втором курсе он женился на дочке первого секретаря обкома партии и, закончив

истфак, начал работать уже в обкоме ВЛКСМ. Еще через пару лет он был уже инструктором в обкоме партии, где и продолжалась его успешная карьера вплоть до перестройки. И тогда вдруг оказалось, что не было более последовательного борца с коммунизмом, чем Владислав Семенов, который буквально жизнь положил в борьбе за демократию. По телевизору даже показали, как он демонстративно сжигает свой партийный билет, при этом что-то крича про жестокий сталинский режим. Короче, были они с Борькой Ельциным два сапога пара.

И тут я впервые подумал: «А ведь я, наверное, смогу хоть что-то сделать, чтобы наша Родина избежала таких потрясений». Надо только сесть и попробовать спланировать свое будущее, исходя из того, что я знаю. И теперь надо попробовать «знаю, что будет» перевести в «что надо сделать, чтобы этого не случилось». Ведь если Горбачев не придет к власти, не будет и перестройки. Но другой внутренний голос скептически сказал: «Не будет Горбачева, будет кто-то другой».

— Андреев! Ты что, не слышишь? Я к тебе обращаюсь! — Возмущенный возглас Семенова отвлек меня от моих размышлений. — Ну что, слушаешь? Мы решили, что вы с Богдановой в субботник займетесь уборкой и мытьем класса. Мне почему-то кажется, что вы не откажетесь от такого предложения, — закончил Владик с ухмылкой.

Я с трудом удержался от порыва забить эту ухмылку ему в зубы и только хотел высказать свое возмущение по этому вопросу, как вдруг увидел счастливое лицо Ани. Мое желание высказаться сошло на нет.

Закончив выдавать назначения, Семенов сел на свое место.

— А теперь мы должны обсудить поступок Андрее-

ва, который, как известно, зверски избил нашего бывшего одноклассника Федю Сорокина, — сообщила Осипова.

— Кто хочет выступить?

В классе наступила тишина. Ни один из парней, которые испытали на себя тяжесть сорокинских кулаков, не хотели говорить в его защиту, а девочки, которые еще помнили его грязные высказывания и сплошной мат, тоже не спешили осуждать меня. Тут раздался голос Вадика Петрова:

— Да хватит тебе, Наташка, выделываться! Правильно Сережка ему настучал, тот давно в репу просил.

Все засмеялись, а Наташка покраснела и надулась.

— Все, хорош, пошли домой, собрание закончилось! — раздалось голоса, и все ринулись к дверям.

* * *

И вот прошло несколько дней, в течение которых я успел завоевать репутацию зубрилы и отличника. Уже никто не удивлялся моим ответам, да и меня почти перестали спрашивать на уроках. Я по-прежнему каждый день провожал Аню до дома, но в гости, как она ни приглашала, не заходил. Мне казалось, что ее бабушка, словно Шерлок Холмс, видит меня насквозь.

Девятнадцатого апреля пришлось шлепать на субботник. Когда подошел к школе, почти все уже собрались. Слышались шутки и смех. Наша классная руководительница вместе с Осиповой, надрываясь, выкрикивали фамилии учеников и задания.

Вот дошла очередь и до нас

— Андреев и Богданова, вперед на мытье класса! Чтобы все парты были отскоблены от грязных ругательств, — выдала Осипова.

Все покатались со смеху. С задних рядов неразборчиво донесся чей-то голос:

— Да мы завтра новые напишем, места много будет.

— Ну что, Аня, двинули? — сказал я, и мы бодро направились в школу.

Зайдя к техничке и отстояв небольшую очередь из таких же мойщиков, мы получили пакет соды, два ведра, швабры и тряпки. Придя в класс, быстро покидали все орудия производства в угол. Аня надела рабочий халат, который принесла из дома, а я, буркнув ей:

— Отвернись, — быстро переоделся в тренировочный костюм.

На ее замечание, что мог бы и дома одеться, сказал:

— А что потом, на эту грязь чистое надевать?

Схватив пакет, я пробежал вдоль всех трех рядов парт, щедро посыпая их содой. Аня шла за мной и мокрой тряпкой размазывала соду по парте. Затем я предложил ей оттереть один ряд парт, а сам взялся за два. Надо сказать, что с этим делом мы справились довольно быстро. Где-то через полтора часа парты были отмыты, чтобы уже на следующей неделе наши художники нанесли на них новые росписи.

Посидев немного, я быстро сбегал на первый этаж и принес два ведра воды. В это время многие уже освободились и начали заглядывать к нам, интересуясь, что мы делаем, не целуемся ли, например. Поэтому, подняв на бок все парты, я закрыл дверь на швабру.

На Анин вопрос, зачем я это сделал, ведь теперь будут еще больше доставать нас подколками, я пожал плечами:

— Ну и наплевать.

Взяв в руки тряпки, с двух сторон начали намывать пол. Мы так увлеклись работой, что, когда крепко треснулись лбами, сначала не поняли, что случилось. Сидя на заднице, я помотал головой и посмотрел на

Аню. Та сидела в такой же позе. Ее халатик вместе с юбкой задралась почти до живота, и я видел стройные ноги, обтянутые простыми чулками, кончавшимися в верхней трети бедра, и белые полотняные трусики под поясом с резинками для чулок.

Увидев, куда направлен мой взгляд, девочка покраснела до корней волос и резко одернула юбку. Но крышу у меня уже снесло. Усевшись рядом с Аней, я положил руку ей на ногу и начал гладить, поднимаясь все выше. Когда моя ладонь перешла после чулка на прохладную кожу, одноклассница вздрогнула, а я повел руку выше на трусики и начал целовать ее неумелые губы. Она смотрела на меня расширившимися глазами, в которых почти не было видно радужки, и хрипло шептала:

— Сережа, не надо... Ну пожалуйста, не надо...

А сама уже обнимала меня обеими руками. Ее трусики под моей ладонью были совсем мокрые.

У меня в голове сейчас боролись два разума: пожилого человека и озабоченного мальчишки, залитого по уши гормональным взрывом. Все-таки разум, к счастью, победил. Поцеловав девочку в последний раз, я убрал руку и встал. И практически сразу повернулся к ней спиной, потому что в этот момент по спортивным треникам было хорошо видно, какую реакцию моего органа вызвали эти поцелуи.

Посидев немного и не разговаривая друг с другом, мы продолжили уборку. Но потихоньку Аня стала успокаиваться, и мы начали вполне мирно разговаривать, избегая, правда, упоминания о произошедшем событии.

Закончив уборку и собрав инструмент, мы вышли в коридор. Но не успели пройти и половину, как из соседнего класса донеслись грохот, звон разбитого стекла и визг девчонок.

Забежав в кабинет, я увидел, что на полу лежит какая-то девочка вроде бы из десятого класса, рядом с ней — оконная рама и куча битого стекла. В классе кроме нее было еще двое или трое парней-десятиклассников и несколько девочек. Девочки визжали, глядя, как под их лежащей подругой быстро появляется огромное красное пятно.

«Артериальное кровотечение», — пронеслось в голове.

— А ну, все парни, быстро отсюда! — гаркнул я своим поставленным офицерским голосом. — Бегом за медсестрой! Аня, лети в учительскую, вызывай «скорую», сообщи, что у пострадавшей артериальное кровотечение! Девочки, освободите от стекол место и найдите что-нибудь мягкое подложить.

А сам в это время, присев на корточки, разглядывал пострадавшую. Кровь, по-видимому, поступала из района правой паховой области.

Блин, плохие дела. Но руки делали свое дело автоматически. Подняв платье, я увидел небольшой кусок стекла, торчавший из паха. Вокруг осколка толчками выбивался ручеек крови. Я удалил стекло и под возмущенный вздох девочек, наблюдавших за моими действиями, быстро снял с пострадавшей трусики и погрузил кулак в живот в правой подвздошной области.левой рукой еще больше усилил нажим, и кровотечение остановилось. Через несколько минут в класс вбежала медсестра Зинаида Васильевна, молодая девушка, работавшая в нашей школе пару лет. Увидев меня, залитого кровью и держащего кулак в животе пострадавшей, она пролепетала:

— Я жгут принесла.

— Зин, ну какой жгут? У пострадавшей шок от кровопотери. Быстро тащи аппарат Рива-Роччи, капельницу, если она у тебя есть, иглы и раствор Рингера или солевой раствор, на худой конец, адреналин и шприцы, — зло выкрикнул я.

Как ни странно, медсестра без звука выскочила в коридор и куда-то помчалась. Через пару минут она вернулась, неся с добровольными помощницами все, что смогла найти.

— Давай садись рядом со мной, измерь давление, да побыстрее.

— Сережа, давление девяносто на шестьдесят, пульс сто десять.

— Уф, ну это еще терпимо. Так, что у тебя за капельница?

На мой вопрос Зина достала сверток в красной клеенке, на котором торчала бирка о последней стерилизации.

— Дай мне посмотреть, когда она была простерилизована.

На поднесенной бирке, нанесенная химическим карандашом, красовалась надпись «15 мая 1959 года».

— Вы что тут, совсем оборзели — пять лет не стерилизуете инструмент!

В ответ Зина дрожащим голосом сообщила:

— Я и не знала, что ее надо стерилизовать.

— Ладно, перемеривай давление.

— Давление упало, сейчас уже семьдесят на сорок.

— Давай полкубика адреналина подкожно.

Буквально через пару минут после инъекции девочка слегка порозовела, стала оглядываться вокруг и реагировать на окружающее.

Глядя ей в глаза, я тихо сказал:

— Все будет хорошо. Лежи, милая, не шевелись, а то мне трудно держать кулак.

Прошло еще минут пятнадцать. Давление было стабильным, но мой кулак все-таки был кулаком пятнадцатилетнего подростка, и я чувствовал, что еще несколько минут — и я не смогу пережимать подвздошную артерию с необходимой силой.

И тут, на мое счастье, в помещение влетели врач и фельдшер «скорой». Пока девочку перекладывали на носилки, я все держал кулак, и лишь когда ее уже подняли для транспортировки, убрал занемевшую руку. Мое место занял фельдшер «скорой».

Растирая руку, я устало вышел в коридор. Слегка кружилась голова, но настроение было отличное. И тут на меня налетел вихрь девчонок. Да, десятиклассницы гораздо раскованнее в выражении чувств, чем мои сверстницы. Меня обнимали, лили слезы на плечо, называли молодцом. А одна все-таки ухитрилась спросить на ухо:

— И когда это ты, мальчик, успел научиться так ловко снимать с девочек трусики?

На что я спокойно ответил:

— Да были случаи.

Растолкав девчонок, ко мне пробрались три парня, которых я шуганул из кабинета.

— Ну ты молоток! — уважительно произнес самый здоровый и одобрительно хлопнул меня по плечу, отчего я чуть не присел.

— Ты так скомандовал, что я даже ничего понять не успел, меня ноги сами вынесли из класса.

Двое остальных, засмеявшись, подтвердили:

— Мы даже глазом моргнуть не успели, как оказались у медкабинета. Слушай, а это не ты Сороку отдубасил? Ходит тут у нас такая история.

— Ну было дело, парни, что об этом говорить.

— Смотри-ка, какой скромный! Другой бы месяц

всем рассказывал. Ладно, скажи хоть нам, что там с Машкой? У нее все нормально?

Тут до меня дошло, что девочка, которой я оказывал помощь, — Маша Сидорова, наша школьная знаменитость. Ее рисунками и картинами увешан весь коридор на третьем этаже.

И я вспомнил... Похоронная музыка, венки, мы провожаем в последний путь нашу Машу Сидорову. Слезы девочек, скорбные лица, надрывный плач ее мамы над гробом... Да, у меня в памяти был этот субботник. Но в тот раз я вроде бы уныло сгребал прошлогоднюю листву в пришкольном саду и вместе со всеми таранился на машину «скорой помощи», которая подъехала к главному входу. Мы все побежали посмотреть, что происходит, и как раз в тот момент из школьных дверей вынесли носилки, накрытые простыней, а за ними с заплаканными лицами шли десятиклассницы.

Вот это да! Оказывается, я уже переделываю свое прошлое по полной программе. Что же будет дальше?

— Слушай, ты что, чувак, задумался? Так что с Машкой?

— У Маши сложная травма, сейчас в больнице ее прооперируют. Думаю, что все будет нормально.

— Как ты так ловко все делал — как будто всю жизнь учился!

— Парни, у меня же мама медсестра, я у нее в больнице больше времени провожу, чем у себя дома, все ее учебники прочитал.

Парни понимающе переглянулись:

— Ясенько. В книжках-то небось картинки с голыми бабами разглядывал.

Вдруг они как-то сникли, и через секунду их уже не было. Я обернулся и увидел незабываемую картину.

По коридору бежит наш директор Исаак Наумович Розенберг, маленький и толстый. Как всегда, у него на лысине рогами торчали очки, скрепленные сзади резинкой. Он подлетел к нам и закричал, задыхаясь:

— Что, что тут произошло? Кого увезла «скорая»?

Я встал перед ним и доложил:

— Товарищ директор, за время вашего отсутствия произошло чэпэ. Маша Сидорова залезла по собственной инициативе помыть окно и вместе с оконной рамой упала на пол. При падении она поранилась. Мной совместно с Зинаидой Васильевной была оказана ей необходимая помощь. Вызвана «скорая». Сейчас пострадавшую увезли. Я полагаю, ее в настоящее время уже оперируют.

Директор схватился за сердце, полез в нагрудный карман, вытащил коробочку валидола, положил таблетку под язык и начал внимательно разглядывать меня:

— Послушай, твой отец случайно не Андреев Алексей, старший лейтенант артиллерии?

— Он уже майор, Исаак Наумович.

— Да-а, узнаю Леху. Это ж надо — сын моего боевого товарища учится в моей школе, и он мне об этом ничего не говорит. Эх, Сережка, знал бы ты, сколько мы с твоим отцом прошли. А вот на Дальнем Востоке, когда мы этих узкоглазых колошматили... — Он резко замолчал, затем после паузы продолжил: — Когда мы воевали с японцами, я потерял с ним связь и только лет пять назад узнал, что он служит в нашем городе. А ведь о том, что ты учишься в этой школе, он не сказал ни слова.

— Исаак Наумович, вы ведь, наверное, знаете, что он в войне с Японией был ранен, долго валялся по госпиталям. Он тогда в госпитале и познакомился с моей мамой. А когда выздоровел, долго служил на Дальнем

Востоке, я там и родился. А что касается вас, то он мне сказал, перед тем как уехать на Север, что не хочет, чтобы его фронтовая дружба с вами служила для меня палочкой-выручалочкой.

— Ну что ж... Мне позвонила Зинаида Васильевна, вся в рыданиях, толком ничего не рассказала, но, как ты тут командовал, сообщила. Надо сказать, я был в недоумении, кто это такой, но сейчас уже понятно. Майор Андреев вырастил себе достойную смену. Хочешь, видимо, пойти в военное училище?

— Нет, Исаак Наумович, я хочу поступить учиться в Военно-медицинскую академию.

* * *

Мы с Аней шли по Уреке. С того момента, как мы вышли из школы, девочка была задумчива и необщительна. Казалось, она витает где-то в облаках.

Неожиданно Аня остановилась и посмотрела на меня:

— Сережа, я, наверное, очень развратная?

Я от этих слов настолько опешил, что не сразу нашелся с ответом.

— Аня, почему ты так считаешь?

— Понимаешь, Сережа, я читала, и моя бабушка говорила, что так делать, как мы сегодня, очень плохо. Девочки в классе все время рассказывают про такое, и я думала, что буду очень стесняться, если это случится со мной. Но когда ты меня начал целовать и трогать, мне было так хорошо... Я хотела, чтобы ты целовал еще и еще, и я совсем не стеснялась.

— Ну что ты, глупенькая моя, мы же ничего плохого не делали.

— Нет, это плохо. И я прошу тебя, Сережа, больше так не делай, иначе мы поссоримся.

Ну вот что тут будешь делать! Подружился с будущей любительницей дамских романов.

Проводив Аню, я пошел домой. На сегодня было уже достаточно событий, но судьба готовила мне новое испытание. За углом очередного дома стоял Федька Сорокин.

Увидев, как я напрягся, он крикнул:

— Эй, Серый! Не бойся, есть разговор, иди сюда.

После того как я приблизился, он протянул руку, и мы поздоровались.

— Да, Серый, лихо ты меня вырубил, ребята до сих пор балдеют. Слушай, давай приходи ко мне в шарагу, ты же знаешь, мы макуху качаем над всей Урекой. Нам такие резкие парни нужны. Так что думай, может, там помахаемся с тобой еще раз. Пацаны предлагали тебя кодлой отметелить, но мне это не в кайф. Ну а пока можешь по Уреке хоть днем, хоть ночью ходить. Если кто будет нарываться, говори, что у тебя Сорокин в кентах. Ну давай, счастливо.

А я-то готовился к будущему сражению, думал, что по Уреке стучат барабаны войны и в скором времени меня где-нибудь подловят и хорошо отметелят. Прожив на белом свете почти семьдесят лет, не научился просчитывать даже действия мальчишек.

* * *

Дома меня ждал трибунал во главе с мамой. Вторым членом трибунала была бабушка. А виновник трибунала Лешка спрятался, так как понимал, что ответит за свой длинный язык по полной программе.

— Ты где шляешься? Мы тут все окна проглядели! Ваш субботник уже давно закончился. Давай быстро рассказывай, что ты там опять натворил такое, что Лешка прибежал домой как наскипидаренный!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	98
Часть третья	182